

Repetitorium do egzaminu z teologii moralnej

Zestaw I

1. Предмет и цель христианского нравоучения.
2. Какие возрасты добродетельной христианской жизни и рассказать об одном из них.
3. Что такое грех и развитие греха от мысли к делу.

Zestaw II

1. Отношение нравственного богословия к богословию догматическому.
2. Расскажите о грехе как расположении (греховной) склонности или страсти.
3. Значение совести для нравственной жизни человека

Zestaw III

1. Что такое христианская нравственность? Какое значение и важность нравственного богословия?
2. Понятие христианской добродетели, ее свойства и вида проявления.
3. Моменты обращения грешника к Богу.

Zestaw IV

1. Какое отношение нравственного богословия к нравственной философии?
2. Что такое самосознание и каким должно быть христианское самосознание?
3. Благодать Божия и ее значение в возрождении человека.

Zestaw V

1. Что такое нравственное чувство? Каким свойством оно отличается от других наших чувств?
2. Какие Вы знаете виды греховных (порочных) состояний человека?
3. Расскажите о воспитании нравственной свободы и нравственного характера.

Zestaw VI

1. Что же такое нравственный закон?
2. Скажите о добродетели как состоянии или настроении христиански действующего духа.
3. Особенности и смысл Евангельских заповедей блаженства.

Zestaw VII

1. Какая связь существует между верой (религией) и нравственностью?
2. Расскажите о добродетели, как добром расположении добрых навыков в души человека.
3. Понятие и деление христианских обязанностей.

Zestaw I

4. Предмет и цель христианского нравоучения.
5. Какие возрасты добродетельной христианской жизни и рассказать об одном из них.
6. Что такое грех и развитие греха от мысли к делу.

Ad. 1

Христианство есть домостроительство (созидание) нашего спасения в Господе Иисусе Христе. Так как человеку нельзя спастись без Бога, то христианская вера (религия) учит: с одной стороны, тому, что Бог сделал для спасения человека (вероучение), с другой, тому, что должен делать сам человек, чтобы спастись.

Последнее составляет предмет христианского нравоучения. Человек, ищущий спасения, просвещаясь верой, должен иметь основательное знание о том, чего требует от него христианская вера, как следует ему жить и действовать как христианину.

Это знание может быть приобретено чрез чтение и слушание слова Божия, святоотеческих писаний, чтение жития святых, бесед и поучений, предлагаемых с церковной кафедры и во взаимном общении с христианами. Но вернейшим способом к тому служит изображение христианской жизни в общем обзоре, где разные правила христианской жизни были бы изложены в порядке, во взаимной связи и возможной полноте. Правила жизни в этом случае легче могут быть усвоены и вернее поняты.

Ad. 2

Можно различать различные состояния добродетельного христианина, различные возрасты его духовной жизни. В слове Божиим эти возрасты обозначаются по аналогии с естественными возрастами, каковы: младенческий, юношеский, мужской или совершенный (1 Ин. 2, 12-14; Евр. 6, 13-14). И у св. отцов указываются также три степени духовного возрастания: новоначальные, успевающие и совершенные, или степени обращения, очищения и освящения (см. преп. Иоанн Лествичник. Слово 26-е).

МЛАДЕНЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ. К нему относятся те, которые только начинают христианскую жизнь. Об этом возрасте ап. Иоанн говорит: "пишу вам, дети, потому что прощены вам грехи ради имени Его (Иисуса Христа)" и еще: "пишу вам, отроки, потому что вы познали Отца" (1 Ин. 2, 12, 13).

Младенческий возраст (духовный) продолжается от начала христианской жизни, от обращения до образования внутреннего и внешнего порядка этой жизни и правил христианского действия. Здесь нужно, например, установить как вести себя во внешнем порядке жизни, в различных случаях, с разными лицами, так, чтобы и этих отношений не расстраивать и вместе с тем жизнедеятельность духа не угашать. Равным образом и в отношении внутренней борьбы с помыслами и страстями надо найти пути наиболее успешного их побороения. Все это бывает не сразу, со всякого рода отклонениями, исканиями, потому что этому периоду, как и естественно-младенческому свойственны нетвердость, незрелость, детское рассуждение. Поэтому младым о Христе предлагаются первые начала слова Божия, словесное молоко, а не твердая пища, начатки учения Христова, чтобы постепенно возрастали во спасение (Евр. 5, 12-13; 6, 1; 1 Петр. 2, 3).

Однако, младым духом в духовной жизни ап. Иоанн усвояет прощение грехов ради имени Христова и познание Отца (1 Ин. 2, 13-14). Познание в Боге именно Отца, а не грозного Владыки, черта очень характерная для этого возраста. Живое ощущение любви Отца Небесного в сознании слабости сил и неопытности в духовной жизни, -- вот свойство детского периода духовной жизни. Дитя долго не сознает, не различает ни отца, ни матери, но потом, когда

начинает различать их, то с самого времени начинается у него радость жизни. Отраднo и младенцу духовному узнать в Боге не грозного Судью, а милосердного Отца Небесного, а в святой Церкви -- нежно любящую мать. Младенцы естественного возраста в своей жизни руководствуются полным доверием к своим родителям. Полная вера в Небесного Отца и живое руководство Святой Церкви составляет неотъемлемое свойство и духовного младенчества. Младенцам естественным усваивается то, что называется младенческой невинностью. Это же состояние присуще и духовному младенчеству, так как человеку в таинстве крещения и покаяния подается прощение грехов ради имени Спасителя, когда еще нет в нем самостоятельных подвигов добра. Младенцам духовного возраста угрожает опасность, когда они по неопытности подвергаются искушениям, увлекаясь всяким ветром учения. Но, претываясь по своей немощи, они восстают по благодати и преткновения свои немедленно вознаграждают младенческой искренностью и откровенностью раскаяния. И Господь невидимо проводит их чрез этот нерешительный период жизни. У св. Иоанна Лествичника предписываются этим новоначальным преимущественно телесные подвиги: пост, труд, бдение, молчание, покаяние, слезы и др. (*преп. Иоанн Лествичник. Слово 26-е*).

ЮНОШЕСКИЙ ВОЗРАСТ. Это время борьбы и подвига над искоренением страстей и насаждением добрых расположений. Об этом возрасте говорит ап. Иоанн: "я написал вам, юноши, потому что вы сильны и слово Божие пребывает в вас, и вы победили лукавого" (1 Ин. 2, 14). Когда формы и порядок нравственной жизни установились, начинается решительное преследование зла в себе, с насаждением и вкоренением добра. Это не значит, что в младенческом возрасте зло попускалось, но теперь оно преследуется, так сказать, систематически, неопустительно. Как в естественной жизни юноше предлежит труд образования себя, так и в духовной. Слово Божие, принятое прежде с детской простотой, теперь органически усваивается, сообщает кротость жизни, делает не только слышателем, но и творцом слова. Господь Иисус Христос для находящихся в этом духовно-преуспевающем возрасте вселяется в их сердце. У преуспевающих в духовной жизни характеристическое чувство есть чувство силы в Боге. "Вся могу о укрепляющем мы Господе". Естественный юноша живет надеждами, энергия у него неутомима, борьба со злом доходит до героизма, так и юношескому возрасту в духовном отношении свойственно мужество в духовной борьбе, несомненная надежда на достижение совершенства и получение вечных благ. У св. Иоанна Лествичника этому духовному возрасту преимущественно усваиваются подвиги духовные: нетщеславие, безгневие, благонадежие, кроткое увещание, непорочная молитва, несребролюбие (*преп. Иоанн Лествичник, Слово 26-е*).

МУЖСКОЙ ВОЗРАСТ. Есть такое состояние духовной жизни, когда христианин путем длительного подвига препобеждает с помощью Божией греховные страсти и пороки, и достигает тех или иных высших степеней христианского совершенства. Об этом возрасте говорит апостол: "Пишу вам, отцы, потому что вы познали суд Его от начала, познали Безначального". Естественным мужам свойственно мужество, твердость, непоколебимость, опытность и полное развитие сил. Духовная опытность и мудрость усваивается словом Божиим и мужам совершенным, пришедшим в меру возраста Христова. Им свойственна твердая пища (Евр. 5, 14). Их чувства приучены к различению зла и добра. Из побуждений им более всего свойственна любовь. Их значение по преимуществу опытное и практическое, но им же свойственно и высшее познание теоретически созерцательное. Им открываются сокровенные свойства Безначального (1 Ин. 2, 13, 14). Таким совершенным знанием обладал возлюбленный ученик Христа. Но это высочайшее Боговедение означает распятие плоти со страстями и похотями или нравственную чистоту, - как говорит св. Иоанн Лествичник. По причине совершеннейшего знания, умозрительного и опытного, духовные мужи способны руководить и других к единству веры и познанию Сына Божия и потому называются отцами. Св. Иоанн Лествичник усваивает им преимущественно жизнь в духе и неподвижное пребывание в Боге: непорочное сердце, совершенную любовь, умом из мира выступление и во Христе внедрение, небесного света и мысли в душе во время молитвы нерасхищение, обилие Божия

просвещения, небесных тайн вмещение, власть над бесами, неисповедимых Божиих судеб хранение и проч. (*преп. Иоанн Лествичник. Слово 26-е*).

Относительно возрастания и совершенства в духовной жизни необходимо заметить, что предела ему нельзя назначить, так как христианам поставлено целью быть совершенными как Отец Небесный совершен есть (Мф. 5, 48). Возможные же на земле степени нравственного совершенства высшими можно назвать только относительно, потому что на земле нет окончательной чистоты и зрелости, и не исключается возможность падения. Почему апостол Павел заповедует: "Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть" (1 Кор. 10, 12). Христианин никогда не может сказать о себе: довольно трудиться; напротив, здесь на земле надо неутомимо стремиться к совершенству (Евр. 6, 1), надо непрестанно делать, трудиться, непрестанно возгревать дары Божии (2 Тим. 1, 6) и опасаться падения. Апостол Павел говорит о себе: "Я не почитаю себя достигшим, а только забывая заднее, и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе" (Фил. 3, 13-16). Св. Макарий Великий свидетельствует, что и совершенные не пребывают на одной степени и что даже им невозможно пребывать всегда в высших степенях, по невыносимости этого для тленной нашей природы (*преп. Макарий Египетский. Беседа 8, § 4, стр. 70-я*).

Ad. 3.

Грех есть преступление (нарушение) заповеди Божией или по выражению апостола: "грех есть беззаконие" (1 Ин. 3, 4), т.е. неисполнение воли Божией. Св. Иоанн Златоуст говорит: "грех есть ни что иное как действие против воли Божией" (*св. Иоанн Златоуст. Творения, т. VI, кн. I; СПб. 1900, с.184*).

Святые подвижники, наблюдавшие за постепенным развитием греха, указывают несколько моментов образования греха из мысли в дело и определяют виновность каждого из них. Чем дальше какой-либо момент отстоит от зарождения греха и чем ближе к концу, тем он значительнее, развратнее, греховнее. Наибольшая виновность -- в деле.

Весь ход развития греха от мысли, к делу изображается так: сначала бывает ПРИЛОГ, далее ВНИМАНИЕ, потом УСЛАЖДЕНИЕ, за ним ЖЕЛАНИЕ, из него РЕШИМОСТЬ и, наконец, само греховное дело (*см. преп. Филофея Синайского. Сорок глав о трезвении, гл. 34-36; Добротолюбие в русск. пер. т. III, изд. 2-е. М., 1900, стр. 417-418. Несколько иное деление, чем у преп. Филофея, указывают преп. Ефрем Сирийский, преп. Исихий Иерусалимский, Нил Синайский. Об этом см. Л. Соколов. Психология греха и добродетели. Вологда 1905, стр. 5-9; 9-13; 44. С. Зарин. Аскетизм, ч. 1. кн. 2-я, стр. 248-253*).

Зарождение греха бывает от приражения греховной мысли, помысла представления или ПРИЛОГА. Прилог - это зарождение в душе против воли греховной мысли или греховного ощущения, возникающих чрез тело и органы внешних чувств или чрез внутреннее чувство, память и воображение. Источником прилогов большей частью бывает нечистое воображение, питаемое лукавым сердцем иногда память, воскрешающая различные греховные образы, и иногда органы наших чувств, особенно зрение, слух и осязание, дающие душе материал для греховных помыслов и чувств. Прилог, если он возникает помимо нашей воли и не вызывается нами добровольно, не есть еще грех, а только повод к греху. Их не избегали даже и великие подвижники, которые в самые священные минуты нередко подвергались искушениям, называемым прилогом, и должны были бороться с ними. Искушаемость сама по себе еще не составляет греха. Можно быть искушаемым и не согрешить.

Другое дело, если мы сами добровольно чрез нечистые мечты или намеренно вызываем греховный образ, греховную мысль, - тут уже есть наша вина и такой прилог уже есть в определенной степени грех. В прилоге человеку самому предоставляется или побороть искушение, или по собственному избранию воли поддаться ему. Поэтому ап. Иаков и говорит, что грех рождается, когда "похоть", т.е. сильное влечение к греху, "зачнет". Зачинает же похоть от воображения. Между похотями (греховными влечениями) и греховными пожеланиями и

воображением существует тесное соотношение. Когда пробуждается похоть, то сейчас же приходит в движение воображение.

Воображение создает соответствующий греховному влечению очаровательный образ, имеющий для нас притягательную силу. Задача христианина - сейчас же вступить в борьбу с грехом на этой именно ступени, изгнать возникший в его душе греховный образ, как сделал это некогда патриарх Иосиф по отношению к своей искусительнице; в результате человек победит искушение и голос истины снова заговорит в нем.

Вторая ступень развития греха - ВНИМАНИЕ. Внимание есть установление сознания или ока ума исключительно на родившемся помысле (греховном образе) с тем, чтобы осмотреть его, как бы побеседовать с ним. Это медление в помысле простом или многосложном. Этот момент очень важный в нравственной жизни. Он стоит на переходе к делам. Кто пресек помысл вначале, не останавливается на нем вниманием, тот погасил всю брань, пресек грех в его зарождении. Напротив, кто допустил в себе прилог, останавливается за ним своим вниманием, рассматривает его, любит его, тот обличает этим худое настроение сердца. Он походит на того, кто в чистый покой вводит нечистое животное. Здесь человек уже прирождается греху и здесь еще необходимее вступить в борьбу и побороть искушение. Но борьба тут уже трудная, труднее, чем на первой ступени (с прилогами). Этот момент греха средневековые богословы называли "медлительной похотью", медлительно останавливающейся именно на созерцании запрещенного плода. Этот момент зарождения греха хорошо отмечен в истории грехопадения прародительницы Евы, которая вместо того, чтобы сказать искусителю "отойди от меня сатана" (как сказал ему во время искушения в пустыне Христос), продолжала смотреть с вождением на древо познания добра и зла, пока не взяла от запрещенного плода и не съела. Главная опасность в искушении состоит в отсрочке, в замедлении борьбы. В искушении каждый момент имеет необычайную важность потому, что с каждой минутой возрастает страсть и чтобы избежать греха, надо всячески использовать те немногие моменты, пока еще не поздно побороть искушение. Поэтому подвижники советуют все внимание обращать на прилоги помыслов и с ними воевать.

Третья ступень греха -- это УСЛАЖДЕНИЕ. Оно характеризуется тем, что к предмету греха, вслед за умом, прилепляется сердце. Оно приходит, когда, вследствие оказанного нами внимания к предмету греха, он начинает нам нравиться, мы находим удовольствие в умном смотре на него, лелеем его в мысли, услаждаемся им в сердечном чувстве. Услаждение греховными предметами есть уже прямо (внутренний) грех, (ср. Мф. 15, 18), ибо если сердце наше должно быть предано Богу, то всякое его сочетание с греховными помыслами и желаниями есть нарушение верности Богу, измена Ему, разрыв союза с Ним, духовное прелюбодеяние (*еп. Феофан. Начертание христианского нравоучения, стр. 158*). На этой ступени человеку необходимо собрать все силы духа, чтобы остановиться и извергнуть из сердца грех и не пасть еще ниже и глубже.

Четвертая ступень развития греха от мысли к делу - ЖЕЛАНИЕ. От услаждения до желания "один шаг". Отличие между ними состоит в том, что душа услаждающаяся пребывает в себе, душа же желающая склоняется к предмету, имеет к нему стремление, начинает его искать. Желание или искание греховного предмета, которым услаждается сердце, рождается в душе одновременно с СОГЛАСИЕМ на грех (к чему склоняет сердце).

В желании и согласии, если они не пресечены, полагаются основы следующей ступени греха - РЕШИМОСТИ. Решимость в слабом виде уже имеется в желании и согласии. Решимость отличается от них только тем, что в состав или в условие ее рождения входит уверенность в возможности греховного дела и учет средств для его совершения. Желающий изрек свое согласие на дело, но еще ничего не придумал и не предпринял к достижению своей цели. У решившегося же уже все осмотрено и учтено, осталось только совершение самого дела. Таким образом, решимость - это дальнейшее укрепление и развитие согласия.

Когда же, наконец, и это будет совершено, тогда является самое ГРЕХОВНОЕ ДЕЛО. Это уже полный грех, -- "плод развращения, зачатого внутри и родившего беззаконие во вне" (*еп.*

Феофан. Начертание христианского нравоучения, стр. 159. Сравн. его же. Письма о духовной жизни. Письмо 57, стр. 202-205).

Таким образом, прилог, допущенный умом, под влиянием нечистых движений сердца принимается волею (согласие), усваивается желанием и намерением совершить внушенный прилогом грех, вызывает в воле решимость согрешить, после чего осуществляется на деле. Греховность всех этих моментов все более усиливается к концу, так как постепенно грех захватывает все силы души: ум, чувство, волю. В главнейшем ходе образования греха заметно, как одна за другой силы человека сочетаются с грехом. После того, как в услаждении осквернилось сердце, оскверняется в желании воля, а в решимости, чрез изобретение и изыскивание средств ко греху, становится причастником сей греховной скверны и рассудок. В греховном же деле, наконец, и самые силы тела проникают грехом, и весь человек становится грешным. Особенно быстрым стремление к греховному делу бывает после услаждения, когда греховной страстью охватывается сердце. Оно напоминает падение тяжелого камня по крутому спуску. Поэтому правило подвижников: бори и гони помыслы, пока ими еще не уязвлено сердце, ибо тогда будет трудна, если не невозможна, победа.

Относительно греховности отдельных моментов развития греха еп. Феофан указывает следующее: "Уже и тот, кто возжелал или внутренне изрек согласие на дело, в нравственном смысле совершил грех пред Богом, видящим сердец. Кто зачал похоть -- родил грех (ап. Иаков 1, 15), и вожделявший при воззрений на жену уже слюбодействовал с нею (в сердце), говорит Господь (Мф. 5, 28). Однако же решившийся грешнее его, по большому напряжению сил на грех по большому объему внутреннего отрешения, по большому упорству и развращению воли. От решимости до дела одна черта".

"Хотя в желании и решимости есть уже грех, однако ж из этого не должно заключать, что самому грешному делу нечего прибавить к их греховности и оно грешно не более их. Решившийся еще может или имеет время отказаться от дела и, следовательно, однажды воспротивившись закону, оказать ему покорность в другой раз, когда он в совести предъявит требования; между тем, сделавший дело попирает закон и внутренне и внешне. Совершающий дело во все продолжение его борется с совестью, которая не престаёт вразумлять его, следовательно (противясь и попирая совесть), более развращает себя и расстраивает свою нравственную природу".

"Отсюда самой собою очевидно, как думать о грехах, которые не совершаются делом не по свободному произволению, а по нужде или внешней невозможности. Тяжесть этого греха равна почти делу. Разница между ними только в следствиях (последствиях греха), притом все внутренние последствия уже есть, недостает только внешних. В этом отношении разница тем менее или значительнее, чем меньших или больших худых последствий надо было ожидать от (греховного) дела. Где этих последствий нет и не бывает, там, можно сказать, и разница (между грехом, совершенным в душе и греховным делом) исчезает" (еп. Феофан. *Начертание христианского нравоучения*, с. 161).

Zestaw II

4. Отношение нравственного богословия к богословию догматическому.
5. Расскажите о грехе как расположении (греховной) наклонности или страсти.
6. Значение совести для нравственной жизни человека

Ad. 1.

Нравственное богословие находится в самом близком отношении к Богословию Догматическому. Между этими науками существует такое же соотношение, какое существует между верой и нравственностью. Поэтому долгое время догматическое и нравственное учение излагались совместно.

Однако, несмотря на сродство, эти науки - самостоятельны, так как каждая имеет свой особый предмет, свою область и, следовательно, имеет право быть самостоятельной наукой. Царство Божие (спасение человека) создается действиями Бога и действиями человека. Действия Божии в созидании этого царства составляют предмет изучения в науке Догматического богословия, а действия человеческие в созидании его -- составляют предмет Нравственного богословия. Отсюда вытекают и более частные вопросы этих наук. Например: 1) учение о Иисусе Христе имеется в той и другой науке. Но в Догматике Иисус Христос изображается как Спаситель человеческого рода, а в Нравственном богословии -- как нравственный идеал, как образец для подражания нам в нравственной жизни. 2) Учение о возрождении и освящении человека встречается и в Догматике и в Нравственном богословии; но в Догматике этот вопрос рассматривается как воздействие божественной благодати на человека, а в Нравственном богословии как принятие или не принятие божественной благодати свободной волей человека (ср. Филип. 2, 3 и Филип. 2, 12).

Таким образом, содержание Догматики относится к познанию и вере, а содержание Нравственного богословия - к воле и деятельности.

Учение веры - предмет Догматики - представляет как бы фундамент или основание, а нравственная деятельность - предмет Нравственного богословия -- как бы здание, возведенное на этом основании. Так понимают отношение этих наук и отцы и учителя Церкви. Например, св. Кирилл Иерусалимский пишет: "Образ благочестия состоит из двух частей - из благочестивых догматов и добрых дел. И догматы без добрых дел не благоприятны Богу, и добрые дела без благочестивых догматов не приемлются Богом, ибо что пользы знать о Боге и срамно любодействовать".

Ad. 2.

Исполняющий греховное дело всего себя исполняет грехом, все силы и все существо наклоняет и направляет к греху. Поэтому уже в первом совершении дела греха полагается основание привычке, ибо сделавший однажды какое-либо дело, легче, скорее и охотнее совершит его в другой раз и так далее (особенно плотские грехи). Таким образом, грех, однажды совершенный, если не будет изглажен покаянием, но будет повторяться, мало-помалу обращается в греховную привычку, из греховной же привычки образуется постоянное расположение, склонность ко греху или страсть. Посредством привычки страсть пользуется как духовными, так и телесными органами для служения греху, а когда уже органы приобретают большой навык ко греху (привычку), они, в свою очередь, приводят страсть в движение. Между ними устанавливается полное взаимодействие.

Наряду с понятием "страсть" существует еще другое -- "порок". Порок вообще обозначает порчу или повреждение, постоянно пребывающее, будет ли это повреждение физическое или нравственное. Состояние греховного повреждения (порока) характеризуется тем, что человек становится рабом того или иного отдельного греха. Понятие "порок" близко к понятию "страсть", понимаемой в широком смысле.

Греховное расположение, иначе греховная склонность или страсть есть постоянное желание грешить известным образом или любовь к каким-нибудь греховным делам или предметам. Например, страсть чревоугодия есть постоянное желание неумеренного насыщения пищей и питьем и т.п.

Такие греховные склонности (или страсти) в нравственной жизни имеют великое значение. В них крепость зла, как в добрых расположениях крепость добра.

Страсть в отношении к деятельности человека есть истинно духовное рабство: человек ею, как невольник, ведется на зло, даже против воли, против своего желания. "Велико, - говорит св. Иоанн Златоуст, - мучительство обычая (навыка), потому что он превращается в истинную потребность" (св. Иоанн Златоуст. Беседы на 2 Кор., беседа 7-я). Здесь человеческая природа терпит полное унижение от греха. Иной пытается воздерживаться от греха, но вскипает, как огонь, страсть, и увлекает к привычным греховным делам. Иной терзается,

мучится, окаивает себя, когда страсть утихает, но лишь придет она в движение, беспрекословно покорствуется ей и охотно предается в руки своего мучителя. У иного сила и господство страсти доходит до того, что ни убеждение, ни страх, ни стыд, ни беды, ни даже смерть не в силах отвратить его от греховного дела.

Человек, работающий страсти, есть беднейшее существо. В религиозно-нравственном отношении страсть есть настоящее духовное идолопоклонство. Она, как идол, стоит в сердце, в котором как в капище все приносится ей с охотой в жертву. Чье сердце пристрастилось к какому греху, для того он бог. Для чревоугодника бог - чрево (Фил. 3, 19), для сребролюбца и лихоимца - деньги (Кол. 3, 5) и т.д.

Отсюда всякая страсть есть тяжкий и смертный грех, ибо отдаляет от Бога и погашает ревность к богоугодной жизни.

Никак не должно думать, что страсти образуются естественно, сами собою. Всякая страсть есть наше дело. Каждый из нас приходит на свет только с семенем всех страстей -- самолюбием. И это семя потом жизнью и свободной деятельностью развивается и вырастает в большое ветвистое дерево всякого рода страстей. От нас зависит противиться греху, не давать ему войти в привычку, в страсть.

Из самолюбия, как из корня, произрастают основные, главные ветви: гордость, любостыжание и сластолюбие. От этих же корней, источных страстей рождаются уже другие страсти -- блуд, чревоугодие, зависть, леность, памятозлобие (гнев). Вместе с первыми тремя они составляют семь начальных страстей и являются возбуждителями греха и всякой другой греховной склонности и страсти (см. *Православное Исповедание*, ч. III, вопрос 18-40; ср.: преп. Иоанн Лествичник. Слово 26, § 39; слово 23, §5; См. в *Добротолюбии*, т. II: деление на 8 главных страстей у преп. Иоанна Кассиана, Синайского, Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника; так же см. у преп. Сорского и др.).

Об искоренении страстей подробно пишут все св. подвижники, которые касаются в своих писаниях духовной жизни. Ниже, в отделе о христианском подвижничестве, мы коснемся еще этого вопроса более подробно.

Ad. 3.

Совесть (от глагола "ведать", "знать", "соведать", отсюда - "сознание") есть носительницей и выразительницей естественного нравственного закона. Самое название "совесть" указывает, что совесть есть прежде всего сознание, но сознание особое, сознание нравственное.

О действии нравственного закона мы узнаем по присущему нам чувству совести, или, как выражаются, "голосу совести".

Еще в древности совесть называли - голосом Божиим в душе человека, в одной из книг ветхозаветного Писания она представляется "оком Божиим, положенным на сердцах людей" (Сир. 17, 7). Совесть действительно может и должна служить внутренним органом откровения воли Божией человеку.

"Когда Бог сотворил человека, -- говорит препод. авва Дорофей, -- Он вселил в него нечто Божественное, как бы некоторый помысл, имеющий в себе, подобно искре, и свет, и теплоту; помысл, который просвещает ум и показывает ему, что доброе и что злое, -- сие называется совестью, а она есть естественный закон... Последуя сему закону, т.е. совести, (ветхозаветные) патриархи и все святые, прежде писанного закона угодили Богу" (преп. авва Дорофей. *Душеполезные поучения* (изд. 10-е). Поучение 3-е. О совести).

Неиспорченная совесть -- это постоянный судья наших действий, чувств и помыслов, наш лучший друг и советник, первый утешитель в беде и несчастье и неумолимый палач в случае нарушений нравственного закона. Как упреки и угрызения совести бывают сильны и в то же время неотвратимы, -- видим из повествования в "Луге духовном", гл. 166 о покающемся разбойнике (см. также Четьи-Минеи 4-го июня). "Преступник может иногда избежать суда человеческого, -- говорит св. Григорий Богослов, но он никогда не избежит суда своей совести".

Совесьть есть общечеловеческое явление. Голос ее слышится во всяком человеческом сердце. Но, говоря о врожденности совести, нужно иметь в виду, что она дается нам не в готовом виде, а в виде естественного нравственного чувства; из этого чувства, при участии разума и воли, путем развития, постепенно образуется естественный нравственный закон.

В жизни человека-христианина совесть имеет великое значение. Значение совести определяется главной целью жизни человека на земле, которой она должна содействовать.

Цель жизни человека на земле - Богоподобие и Богообщение (Мф. 5, 48; ср. 1 Петр. 1, 15; Левит. 11, 14; 19, 2, 2.20). Но и в стремлении к богоподобию жизни как высшей своей цели, христианин имеет много препятствий, которые стали неизбежны после грехопадения. Чтобы достигнуть Богоподобия, надо вести борьбу с искушающим злом; эта борьба тем более трудна, что грех гнездится в самой падшей природе человека и поэтому отличить его от добра бывает очень трудно. Для победы человеку необходимо средство, которое постоянно говорило бы ему, что есть добро и что зло, а также побуждало бы постоянно стремиться к добру и всеми силами избегать зла. Эту-то обязанность, эту работу и исполняет никто другой, как совесьть человека. Различая и разделяя поступки в человеке на худые и добрые, совесть чрез это самое побуждает его стремиться к добру и отвращаться от зла.

Должным же образом она может это выполнить, когда исправлена в своих действиях в человеке, обратившемся к Богу и живущем Христовой жизнью.

У человека, обратившегося к Богу и восстановившего с Ним благодатное общение, совесть заблуждающаяся вразумляется, искаженная исправлена во всех трех своих действиях (функциях).

Первый луч благодати падает на совесть и своим Божественным огнем очищает ее, как золото в горниле. Когда же совершается обращение и восстанавливается общение с Богом, тогда возвращается совести и вся первоначальная ее сила. Средостение греха между человеком и Богом разорено, орудные силы для совести (рассудок, воля и чувства) -- восстановлены, следовательно, совесть обладает всеми способами для исправного действия.

Так она делается исправной в законодательстве, в судопроизводстве и в воздаянии. Сознание законов Божественных возбуждает грешника от греховного сна, но оно и впоследствии не уменьшается, а еще более возвышается. Этому способствует жажда слышания и чтения слова Божия, из которого обратившийся почерпает пищу для души, правила и начала жизненного действия, чем освещает и свою совесть.

Бдительное и трезвенное око, установленное на себя, замечает все оттенки дел внутренних и внешних. Здесь не суд других, не осуждение других (что считается величайшим грехом), а суд, обращенный на себя, без укрывательства и ложного снисхождения, без грубого самооправдания и несознательности. И жизнь почти вся проводится в самоосуждении и в чувствах покаяния.

Эти чувства обвинения совестного оставляют "рану болезненного сокрушения или елей оправдания, намащающий душу помазанием мира и исполняющий благоуханием радости". Если и бывают нечаянные и ненамеренные грехи, то в сердце, ревнующем о Богоугождении, они омываются слезами, а мучения совести здесь не ожесточают, не сожигают, а укрепляют освежающую и ободряющую трезвенность, воодушевляют на дальнейшие богоугодные дела (еп. Феофан. *Начертание христианского нравоучения*, стр. 277-279). (О хранении чистоты совести христианином прекрасно изъясняет преп. авва Дорофей в Поучении 3-м).

Zestaw III

4. Что такое христианская нравственность? Какое значение и важность нравственного богословия?

5. Понятие христианской добродетели, ее свойства и вида проявления.
6. Моменты обращения грешника к Богу.

Ad. 1

ХРИСТИАНСКАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ это жизнь во Христе, жизнь по закону Божию, или глубоко-сознательное, деятельное и свободное осуществление человеком в своей жизни великих заповедей Христа Спасителя.

Важность и значение науки Нравственного Богословия состоит в том, что здесь раскрывается православное учение о истинно-нравственной жизни по заповедям Христовым, которая дает высшее благо или счастье человеку и сообщает ему высшее достоинство как богоподобной личности.

Знание основ нравственно-христианской жизни важно для всех христиан, так как все христиане призваны к богоугодной и нравственной жизни.

Конечно нравственное учение или знание нравственных правил само собою не порождает нравственности. Можно хорошо знать нравственное учение, а согласно ему не поступать. И такие случаи повторяются, к сожалению, весьма часто. К таким лицам относятся слова Священного Писания, что "раб, который знал волю господина своего и не делал по воле его, бит будет много" (Лк. 12, 47). Потому Господь Спаситель называет блаженными не тех, которые слушают учение Его, а тех, которые исполняют учение: "блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его" (Лк. 11, 28); "если (все) это знаете, блаженны вы, когда исполняете" (Ин. 13, 17). Чтобы нравственно жить, необходимо, чтобы к знанию присоединилась решимость, желание и воля. А это свободное хотение, свободная решимость и усилия зависят от самого человека. Нравственное же учение служит руководителем для воли. Следовательно, Нравственное Богословие указывает и освещает путь нравственной жизни. В этом и состоит его значение и важность для всех христиан.

Нет необходимости, поэтому, говорить о важности изучения Нравственного богословия для кандидатов священства, будущих пастырей.

В своей пастырской деятельности священник является нравственным руководителем своих духовных детей. От него ждут духовного руководства, советов и указаний. Священник поставлен лицом к лицу с душой ближнего, он должен понимать ее, врачевать, направлять, поддерживать, возводить ко Христу. А для этого нужны знания в области религиозно-нравственной жизни и нужен свой духовный опыт. Приобретается же это изучением систематического курса христианского нравоучения, вдумчивым, с молитвой, чтением слова Божия, жития святых и писаний святых отцов и подвижников древней и русской Церкви, усвоением опыта духовной жизни святых отцов и подвижников, усвоением их глубокого знания человеческой души.

Всегда необходимо помнить, что вера наша действительна только любовью. А одна только теоретическая вера (как звание "вера по науке - не освобождает человека от гордости и самомнения" (св. Исаак Сирий. Слова подвижнические. Изд. 3. Серг. Посад, 1911, слово 89, стр. 426).

"Закон свободы поучает всякой истине,- говорит св. Марк Подвижник,- многие читают его разумом (т.е. изучают теоретически), но не многие понимают соответственным деланием заповедей" (*Добротолюбие, т. I, стр. 523, ст. 30*). Святитель Тихон Задонский тех ученых богословов, которые ограничивались исключительно только теоретическим изучением веро- и нравоучения, -- уподоблял столбам "на пути поставленным, которые от града до града указуют идущим путь, но сами неподвижно стоят" (*Творения, т. III, 20*).

Поэтому тот, кто будет Церковью призван научать людей вере Христовой и жизни по вере,- должен прежде всего сам жить по вере. Так поступали и так жили подвижники и истинные пастыри Церкви Христовой всех времен ("*Величайшее из всех безобразий безобразие*

- есть заповедывать другому делать то, чего сам не исполняешь", говорит св. Антоний Великий (Добротолубие, т.1, §86). Подвижники считали, что плотолюбцам и чревоугодникам входить в исследование духовных предметов так же неприлично, как и блуднице разглагольствовать о целомудрии. Благословствование возможно для того, кто покаянием очистит свою душу (Преп. Исаак Сирий. Слово 56, стр. 236)).

Ad. 2.

Под именем христианской добродетели мы разумеется СВОБОДНОЕ, СОЗНАТЕЛЬНОЕ, ИСКРЕННЕЕ И ПОСТОЯННОЕ ИСПОЛНЕНИЕ НРАВСТВЕННОГО ЗАКОНА, или СВОБОДНОЕ СОЗНАТЕЛЬНОЕ, ИСКРЕННЕЕ И ДЕЯТЕЛЬНОЕ СТРЕМЛЕНИЕ ХРИСТИАНИНА СВОИ МЫСЛИ, ЖЕЛАНИЯ И ДЕЙСТВИЯ.

Добродетель сама по себе одна и нераздельна. Как одна только воля Божия, один нравственный закон, дух и существо которого заключается в великой заповеди о любви и самоотвержении, так и одно должно быть стремление и чувство к добру, одно желание -- всегда и везде действовать по закону любви.

На единство добродетели указывает слово Божие, когда говорит, что "сохранившийся весь закон и в одном чем-нибудь согрешивший виновен против всего закона", потому что Законодатель один (Иак. 2, 10-11).

Но будучи одна по существу, добродетель имеет разные виды, различающиеся по предметам, лицам и др. отношениям, имеет разные виды проявления.

Из многих видов добродетели слово Божие и Церковь различают главные добродетели: веру, надежду и любовь к Богу, из которых происходят и развиваются все другие христианские добродетели, такие как: молитва, воздержание, смирение, кротость и др.

Добродетель вообще понимается в широкой смысле и не только есть творение одних добрых дел. Добродетель есть выявление христианского устройства и христианского действия всего человека, его души и духа. Поэтому:

Добродетель есть:

- всеобъемлющее стремление нашего духа к добру или настроение христиански действующего духа,
- одновременно она есть доброе расположение или навык (в душе и теле) к добру и, наконец,
- каждое отдельное доброе дело (как следствие первых двух).

Ad. 3.

Начертать подробную и точную картину обращения человека-грешника к Богу, представить отдельные моменты в процессе обращения так ясно и отчетливо, чтобы можно было вполне точно сказать, что именно в каждом моменте принадлежит благодати Божией, и что относится к усилиям одного человека, едва ли возможно, так как здесь многое зависит от индивидуальных особенностей обращающегося. Поэтому можно представить только общую схему обращения грешника, руководствуясь евангельской притчей о блудном сыне (Лк. 15, 11-32), в которой изображена история обращения грешника к Богу.

В этой притче главные действия изображены так: Блудный сын в "себе пришел", т.е. опомнился, сознал свою греховность. Голод и сопровождающие его бедствия и несчастья в жизни постигающие блудного сына на чужой стороне, заставляют его вспомнить о том довольстве, которое находится в доме отца его. Это приводит его к решимости оставить прежнюю жизнь и возвратиться к отцу: "Возстав, иду" -- говорит блудный сын. И действительно, встав, пошел. Причем, придя, он говорит своему отцу: "Согрешил я, отче, против неба и пред тобою", т.е. приносит ему чистосердечное раскаяние. Отец принимает его не как наемника, или раба, а как сына. Прощает ему грехи. Одевает его в лучшую одежду. Приготавливает ему трапезу.

По смыслу этой притчи, в обращении грешника к Богу, можно усматривать следующие частные моменты:

- Возбуждение к обращению.
- Сознание греховности.
- Раскаяние, вследствие сознания греховности, восход к решимости оставить грех и посвятить себя Богоугождению.
- Самообличение пред Богом и желание помилования.
- Принятие Богом обращающегося грешника и помилование (облечение силою свыше на дела Богоугождения в таинствах исповеди и причащения).

Первый момент -- **возбуждение**. Под возбуждением надо разуместь как благодатное воздействие на душу грешника, так и то состояние, в которое поставляется этим воздействием душа человека. Этот момент всецело принадлежит благодати Божией. Это воздействие благодати Божией хорошо отмечается в книге Деяний Апостольских, когда Лидия, -- женщина из города Фиатир -- слушала Павла с собравшимися женщинами этого города. "Господь, -- замечает Деесписатель, -- отверзе сердце ея внимать глаголанному от Павла" (Деян. 16, 14). Здесь отчетливо отмечается и проповедь и внутреннее действие благодати Божией на душу Лидии, в результате чего крестилась она и домашние её. Пути и способы, посредством которых благодать Божия воздействует на человека, могут быть и бывают очень разнообразны. Весьма часто обращение бывает чрез слышание или чтение слова Божия, чрез наставление и добрые примеры христианской жизни. Бог часто призывает людей или чрез самые обыкновенные случаи жизни или "чрезвычайные события".

Разные индивидуальные обстоятельства в жизни человека, например, внезапные неудачи, тяжкие страдания, неожиданная смерть близких и т.д. поражают грешника и нередко приводят его к Богу. Иногда орудиями нашего спасения Господь делает других людей, встреча с которыми побуждает грешника к коренной перемене своей жизни. Например, по-видимому, случайная встреча евнуха Эфиопской царицы с диаконом Филиппом послужила к его обращению. По свидетельству апостола Петра, некоторые мужья приобретаемы были для царства Небесного чрез своих жен, т.е. через их богоугодную жизнь. К "чрезвычайным событиям", способствующим обращению человека, относятся, например, явления и видения Христа, как это было при обращении Павла, при сражении Константина Великого с Максентием, а также чудесные действия, например, в истории обращения Марии Египетской, явления святых и т.д.

В притче о блудном сыне первый момент обращения, т.е. благодатное возбуждение к обращению - изображается как голод, поразивший его на далекой стране после довольства в доме отца, как унижение, которому несчастный подвергся на чужой стороне и как воспоминание о том довольстве, которое присуще дому отца и которым пользуются даже наемники

Внимая воздействию этой благодати и свободно отдаваясь влечению ея, греховный человек начинает сознавать свою греховность, чувствует свою безмерную вину пред Богом. Под влиянием этого возбуждения в блудном сыне евангельской притчи является глубокое сознание своей виновности, сознание своего падения и он начинает искать выхода из своего положения. "Я умираю от голода", - говорит в этом состоянии блудный сын". "Отче, согрешил я против неба и пред Тобою и уже недостойн называться сыном Твоим". Это **СОЗНАНИЕ ГРЕХОВНОСТИ** есть второй момент обращения грешника к Богу.

Сознание греховности надо отличать от простого недовольства собою. Такое сознание виновности не имеет нравственного значения. Его можно назвать сознанием ошибки, своей нерасчетливости, но никак не сознания греховности в христианском смысле.

Христианское сознание греховности - это состояние тяжелого пересмотра своих убеждений, которое должно привести человека к глубокому убеждению в необходимости выхода.

Этот второй момент есть по преимуществу дело самодеятельности человека, результат усилий его свободной воли. Впрочем, благодать не оставляет грешника в эти трудные минуты жизни.

"Что сотворим?" - спрашивали находившиеся в таком состоянии слушатели, обличаемые св. Иоанном Крестителем. "Что сотворим?" - повторяли иудеи, слышавшие обличения ап. Петра. Вот в каком состоянии, которое близко к отчаянию, благодать Божия указывает человеку выход. Сознание виновности возбуждает в душе блудного сына чистосердечное раскаяние.

РАСКАЯНИЕ есть третий момент в обращении грешника. Раскаяние по существу есть сильное желание видеть совершившееся как бы несовершившимся, устранить и вознаградить оскорбления, нанесенные отцу. Это состояние предполагает решимость воли отвергнуть зло и осуществлять только одно добро. Эта решимость соединяется с таким крепким отвержением от греха и с таким искренним сочетанием с добром, с ревностью о Богоугождении, что истинно кающийся охотнее претерпит все испытания, даже самую мучительную смерть, чем возвратиться к прежней жизни. Спрашивается: откуда у грешника может явиться такая крепкая решимость? Люди, опытные в духовной жизни, говорят, что в этот момент обращения нужно дать всю свободу здравому рассуждению и неотступно держать при нем сердце. Просветленное истинное разумение сначала представит греховные предметы в истинном их виде, снимет прелестный покров, скрывающий их безобразие, а сердце почувствует к ним тогда отвращение. То же разумение представит всю опасность содружества с ними, а сердце воспламенится отвращением к тем узам, которые влекут человека в пагубу.

Таким образом, в этот момент сердце должно проникнуться решительными расположениями, противоположными требованиям греха. Но сердце достигает добрых расположений не само собою, а при содействии благодати Божией. Таким образом, христианское раскаяние есть крепкая решимость на добро при содействии благодати Святого Духа. Однако, решимость переменить свою жизнь есть только условие жизни по Богу, а не самая жизнь. Жизнь и есть сила действовать. Жизнь духовная - есть сила действовать духовно, т.е. по воле Бога. Такая сила потеряна человеком и пока она снова не дастся ему, он не может жить духовно, сколько он ни решался. Вот почему у грешника за раскаянием следует четвертый момент обращения - **САМООБЛИЧЕНИЕ ПЕРЕД БОГОМ И ЖЕЛАНИЕ ПОМИЛОВАНИЯ**. Сознание виновности возбуждает у блудного сына чистосердечное раскаяние, т.е. сильное желание сделать совершившееся как бы не совершившимся, устранить и вознаградить оскорбления, нанесенные Творцу. Но как это сделать?

Грешнику не остается ничего больше, как, прозрев и отвергшись от самого себя, обратиться к отцу с просьбой о помиловании и спасении. В притче о блудном сыне это состояние и выражается словами: "Я уже недостойн называться сыном твоим, прими мя в число наемников твоих". Самообличение перед Богом и желание помилования есть та печаль по Боге, которая, как говорил Апостол, "неизменное покаяние ко спасению соделывает". Она складывается из трех моментов: представления блаженства Богообщения, скорбного ощущения лишения этого блаженства по собственной виновности и сильного желания возратить это блаженство богообщения при посредстве Божьего милосердия.

Слово Божие ясно и решительно говорит нам о неразрывной связи между обращением грешника и его прощением. "Если исповедуем грехи наши, - говорит ап. Иоанн, - то он, будучи верен и праведен, простит грехи наши, очистит нас от всякой неправды" (1 Ин. 1, 9). Еще яснее эту связь между самообличением перед Богом, желанием помилования от Него и действительным помилованием выразил Псалмопевец в следующих словах: "Я открыл Тебе грех мой и не скрыл беззакония моего, я сказал: исповедую Господу преступления мои. И Ты снял с меня вину греха моего" (Пс. 31, 5).

Печаль по Боге выражается различно: иногда она сопровождается тихой грустью, иногда эта грусть бывает очень сильна, даже чрезмерна. Однако, чрезмерная печаль - болезненна, нездорова. Печаль по Боге всегда должна умеряться христианской надеждой на милосердие Божие. Поэтому она очень часто выражается слезами умиления.

За самообличением грешника и желанием помилования следует завершительный момент обращения - **принятие обращающегося грешника Богом и помилованием его**. В притче о блудном сыне - это тот момент, когда блудный сын уже был на пути к дому отца своего, и когда отец, увидев его издали, сам пошел к нему навстречу. Притча рассказывает нам, что отец встретил раскаявшегося сына еще далеко от своего дома, пал ему на шею, целовал его, ввел его в свой дом не как наемника, а как своего сына. Приказал одеть его в лучшую одежду, дать перстень на руку его, обуть ноги его и устроить для него праздник, полный радости и веселья, ибо сын этот умер было и ожил, пропал было и теперь найден.

Обращающийся грешник и Сам Бог встречаются непосредственно и действительно в таинстве крещения и миропомазания, или в таинстве покаяния. Здесь Бог изливает на душу человека чудеса любви Своей; Его любовь принимает обращающегося грешника и милует его, оправдывает и освящает.

Возрожденный благодатью Божией есть уже не блудный сын, идущий к дому прогневанного Отца своего, чтобы просить помиловать его и принять в число Его наемников, а обновленный во всем нравственном существе своем, любимый сын любящего Отца, живущий в доме Его в теснейшей связи с Ним.

Таковы отдельные моменты обращения человека-грешника. Но для всех ли необходим этот путь обращения, этот нравственный перелом со всеми его моментами? Нет, не для всех. Те, которые сохранили благодать крещения во всей чистоте, не испытывают такого перелома, но таких христиан немного. Для большинства же христиан, как и не христиан описанный в притче о блудном сыне путь обращения положительно необходим.

Zestaw IV

4. Какое отношение нравственного богословия к нравственной философии?
5. Что такое самосознание и каким должно быть христианское самосознание?
6. Благодать Божия и ее значение в возрождении человека.

Ad. 1.

Нравственность есть факт общечеловеческий, т.е. составляет принадлежность всего человечества: поэтому учение о ней имеет место не только у христиан и богословов, но и у язычников и философов. Таким образом, кроме Нравственного богословия, существует еще нравственная философия, - наука, сродная с Нравственным богословием. Сродство это состоит в том, что обе эти науки занимаются одним и тем же предметом, а именно - исследованием законов и норм или правил нравственной жизни. Однако, есть между ними и различие. Различие это состоит в том, что в исследованиях своих они исходят из различных начал, и исследование идет в различных направлениях.

Нравственное Богословие отправным пунктом имеет откровенное нравственное учение, которое оно стремится уяснить на основании исторического предания и данных естественного человеческого разума и показать соответствие его общечеловеческим нравственным потребностям и, следовательно, представить его истинным общечеловеческим благом. Между тем Нравственная философия еще не имеет истины, предполагает ее неизвестною, исходным пунктом для нее служит искомое (иск), которое нравственная философия ищет силами и средствами человеческого разума.

Отсюда следует, что Нравственное Богословие, насколько оно представляет подлинное учение Священного Писания, представляет несомненную истину и заблуждаться не может. А нравственная философия легко может пойти в ложном направлении и выдать за истину совсем не истину. Таковы, например, нравоучения, создаваемые на пантеистической или материалистической почве. Вообще естественное нравственное сознание и совесть не могут постигнуть сами собою чистую и полную нравственную истину, так же как и вообще естественный разум не может возвыситься до истины Божественного Откровения сам собою.

Следовательно, нравственная философия должна восполняться Нравственным Богословием, Без Богословия нравственная философия своими силами не в состоянии решить многих вопросов нравственного порядка, например, вопроса о происхождении зла, о победе над ним.

Далее, нравственная философия имеет дело только с общими вопросами, поэтому мы там не найдем учения о частных обязанностях человека. Да и в общей части нравственная философия не идет так далеко в рассмотрении нравственных понятий христианина, как далеко идет Нравственное Богословие. Например, в отделе о добродетели нравственная философия не дает конкретного образца добродетели, тогда как Нравственное Богословие, изображая личность Иисуса Христа Спасителя как совершенное изображение добродетели, указывает в нем живой образец нравственного совершенства. Затем, нужно не только отыскать истину, но и последовать ей, осуществить требования нравственного закона, а для этого необходимы силы и средства, которые побудили бы человеческую волю последовать истине и подкрепили бы слабые силы человека.

Нравственная философия таких сил дать человеку не может - авторитет человеческого разума слишком слаб для этого, чтобы побудить человека подчиниться требованиям нравственного закона. Нравственное Богословие дает побуждение к исполнению нравственных требований тем, что указывает их источник к воле Божией, тем, что представляет многочисленные примеры осуществления этих требований; наконец, тем, что говорит о благодатной помощи человеку в достижении нравственного идеала.

Таким образом, отношение Нравственного Богословия к Нравственной философии есть отношение превосходства первого над второй в отношении истинности, полноты и совершенства излагаемого и раскрываемого им нравственного учения, а также и в отношении средств, даруемых человеку для неуклонного следования этому учению.

Несмотря на это преимущество, Нравственное богословие не должно совершенно игнорировать нравственную философию и чуждаться ее. Откровенные нравственные истины, при помощи Нравственной философии, могут быть представлены в яснейшем свете, подтверждены различными доводами и защищены от разных возражений со стороны противников этих истин.

Отцы и учителя Церкви считали философию пособием к исследованию и раскрытию богословских истин. Так, св. Григорий Богослов говорит: "Полагаю, что всякий, имеющий ум, признает благом внешнюю ученость, которою многие из христиан гнушаются. Из наук мы извлекли все полезное и для самого благочестия, через худшее научившись лучшему, и немощь их обратив в твердость нашего учения".

Ad. 2.

Будучи существенными качествами или свойствами души человека, самосознание, свобода и нравственное чувство являются и необходимыми условиями нравственной деятельности. Где нет этих условий, там не может быть и речи о нравственных или безнравственных поступках.

Лицо, способное и обязанное к нравственным действиям, должно быть в своем разуме, должно сознавать себя, настоящее свое положение и свои действия. Кто вне себя, не в своем уме и не сознает себя, того действия не могут считаться нравственными. К таким принадлежат слабоумные, расстроенные в уме, погруженные в сон. И действия животных, будут ли они

полезные для людей и самих животных или вредные, мы назовем естественными, но не нравственными. Это потому, что животные действуют не по сознанию, а по инстинкту и не по свободному выбору, а по свойствам и законам своей природы.

Впрочем, сознание у человека должно быть не только такое, когда он отличает себя, как себя (как личность), но должно быть еще сознанием собственно нравственным, называемым самосознанием, - в котором человек сознает себя лицом, обязанным к целесообразной деятельности, к делам, за которые надо нести ответ (*О самосознании - см. Иоанн, еп. Смоленский. Богословские академические чтения. Изд. 2-е. СПб. 1906 г., стр. 61*).

Вот почему малые дети, еще не имеющие такого самосознания, во всем худом извиняются (и действия их еще не расцениваются как нравственные); у них нет сознания ответственности за свои поступки.

Человек-христианин своим христианским званием обязывается иметь особое нравственное самосознание - самосознание христианское. Что оно должно быть в нем особое, видно из того, что в возрождении он стал иным - новым ("новой тварью", вторично "родился" водою и духом), новым не мысленно, но делом, всем своим духовно-телесным существом. Поэтому он должен переродиться и в самосознании.

Что должно входить в состав этого самосознания, видно из того, каким он вошел в купель крещения или покаяния, и каким вышел из него, или чем стал в нем. Погибал -- и вот избавлен; был в ранах - и исцелен; был отвержен -- и принят в сыновство; своевольничал, - а теперь связал себя послушанием по обету.

Все это должно отзываться в его сердце и составлять в совокупности одно то, чем он чувствует себя во Христе Иисусе. Христианин пребывает в чувстве исцеления и свободы. Он должен сознавать себя "Христовым рабом", работать и трудиться как бы от Его лица, пред Ним и ради Него. Все самосознание и вся жизнедеятельность христианина -- во Христе и Христом, -- так, чтобы с Апостолом говорить: "живу не к тому аз, но живет во мне Христос" (Гал. 2, 20). Это христианское самосознание и чувство жизни Христовой, сознание усыновления Богу так было сильно во многих из первенствующих христиан, что на все вопросы мучителей они только отвечали: я раб Христов, я раба Христова.

Вот первая черта христианской нравственности или первое свойство лица, действующего по-христиански, -- его христианское самосознание. С сознанием себя "рабом Христовым" христианин и подвизается в этой земной жизни.

С погашением указанного самосознания, действия христианина если и не становятся худыми, то теряют в большей или меньшей мере христианский характер и поступают в разряд общенравственных. Между тем, христианин есть лицо не только общенравственное, но нравственное по-христиански.

"Если таким образом, от такого самосознания получает свой характер вся деятельность христианина, то свет его должен гореть в душе его, не погасая, не умаляясь, а возрастая по самый конец жизни" (еп. Феофана).

Потому-то святитель Тихон Задонский вот какое правило написал для своей паствы: "краткое увещание, что всякому христианину от младенчества до смерти всегда в памяти содержать должно: помни 1) что при святом крещении чрез крестных отца и мать ты отречеся от сатаны, и всех дел его, и всего служения его, и всей гордыни его, и сие учинил троекратным отречением; 2) отрехшись сатаны, ты троекратно же обещаешься служить Христу Сыну Божию, со Отцем и Святым Его Духом". "Итак, ты на крещении в службу Христу записался и присягнул так, как и воины" и другие, поступая на службу, присягают (*свт. Тихон Задонский. Творен, т. I, М., 1889, стр. 101*).

Ad. 3.

Хотя человеку для нравственной жизни дан евангельский нравственный закон, ясно указывающий ему путь ко спасению и представлен живой нравственный идеал в Лице Самого Господа Спасителя, побуждающий его к подражанию, однако, всего этого мало для того, чтобы

начать и продолжать новую богоугодную жизнь. Человек в естественном и поврежденном состоянии сам по себе нравственно возродиться не может. Для обращения грешника к Богу и спасения требуется участие еще особой БОЖЕСТВЕННОЙ помощи. Эта помощь и подается в благодати Божией, "немогущая врачующая и оскудевающая -- восполняющей".

Под именем благодати разумеется спасительная сила Божия, которая подается по воле Бога Отца чрез Сына в силу совершенного Им искупления, во Св. Духе.

Так как спасение каждого человека на земле создается преимущественно деятельностью Духа Утешителя, то и благодать как сила, усваивающая человеку спасение, приписывается, главным образом, Святому духу.

Необходимость благодати - начала, продолжения и нравственного совершенствования человека на всех ступенях его нравственного подвига - не подлежит сомнению. Слово Божие учит, что самое начало богоугодной жизни есть плод благодатного действия на человека. "Без Мене не можете творить ничесоже" (Ин. 15, 5), - говорит Спаситель, и другие изречения Священного Писания ясно показывают необходимость благодати для самого начала нашей нравственной жизни. Человек не может сам начать нравственную жизнь подобно тому, как худое дерево не может приносить добрых плодов. Начало и источник новой благодатной жизни не могут заключаться в самом человеке, в его совести и разуме и самопроизвольное зарождение духовной жизни в человеке невозможно, как невозможным признается самопроизвольное зарождение жизни в окружающей нас природе.

Жизнь может порождаться только жизнью. Этот закон приложим и к духовной жизни, а не только к физической. Но благодать необходима не только для начала нравственной жизни, но и для ее продолжения, укрепления и возрастания этой жизни.

Как развитие телесной жизни человека обуславливается притоком в него и усвоением в нем находящихся жизненных начал, так и нравственное возрождение не может обойтись без внешней благодатной помощи. "Якоже розга не может плода сотворити о себе, тако и вы аще во Мне не пребудете" (Ин. 15, 4).

Однако, действиями благодати Св. Духа не исключается действие и самого человека в деле его нравственного возрождения. Благодать Божия действует в человеке не принуждая, а только возбуждая собственной деятельностью ту энергию духовной силы в его душе, те остатки добра, которые остались в душе после падения. Подтверждается это Словом Божиим. В притче о сеятеле и семени Спаситель учит, что слово Царствия Небесного, будучи вносимо в сердца человеческие одним сеятелем различно произрастает в зависимости от различного состояния и расположения сердец. В притче о сокровище на поле Иисус Христос хотя и говорит, что сокровище Царствия человек обретает готовое, но вместе указывает и на собственную деятельность со стороны человека. Человек, нашедши сокровище, радуется находке, идет и продает все, чтобы купить это сокровище. Подобно этому и Царствие Небесное силою, усилием берется и употребляющие усилие восхищают его (Мк. 11, 12).

Св. Отцы также указывают на необходимость самостоятельного участия человека в процессе нравственного возрождения. "Бог насильственно не влечет нас, - говорит св. Иоанн Златоуст. Он дал нам власть избирать худое и доброе, чтобы мы были добры свободно, ибо, где нет произволения, там нет добродетели. Надо убедить душу, чтобы она по своей воле сделалась доброю". Таким образом, нравственная жизнь христианина есть произведение двух действующих сил: главной -- благодати и вторичной -- содействующей человеческой свободы.

Zestaw V

4. Что такое нравственное чувство? Каким свойством оно отличается от других наших чувств?
5. Какие Вы знаете виды греховных (порочных) состояний человека?
6. Расскажите о воспитании нравственной свободы и нравственного характера.

Ad. 1

В общем определении нравственность можно понимать как прочное, устойчивое внутреннее настроение человека, возбуждающее в нем приятные чувствования и выражающееся в известных действиях. Это состояние мы назовем нравственной потребностью. Такая НРАВСТВЕННАЯ ПОТРЕБНОСТЬ в виде влечения к добру является врожденной человеку, дана человеку в его собственной духовной природе как живая сила, находится в глубине его духа.

С первых дней нашего сознания уже проявляется эта внутри заложенная нравственная потребность. Младенцу, имеющему добрую мать, нет надобности предписывать: ты должен любить свою мать. Он еще не понимает слов: долг, любовь, мать, а любовь к матери уже действует в нем и выражается в его взгляде на мать и в его радости на ее руках. Уже у детей мы наблюдаем способность различать два главных понятия: добро и зло. Даже если их никто не учил, какими признаками определяется правда и ложь, нравственно хорошее и дурное, они как-то сами собою без видимого чьего-либо содействия более или менее безошибочно определяют и разграничивают два эти понятия. Следовательно, такая способность даже ребенка разграничивать известные явления нашего духа и относить их или к понятию добра ("хорошее") или зла ("плохое") есть особый дар. Этот дар, как учит Церковь, получен от Творца всего мира, вдунувшего в первого человека вместе с жизнью душу бессмертную, имеющую образ и подобие Божие, и в числе других способностей и свойств имеющую и нравственную потребность, нравственное чувство.

Нравственная потребность в сознании человека заявляет себя как НРАВСТВЕННОЕ ЧУВСТВО.

Чувств у человека много. Есть у него, например, чувство эстетическое, чувства телесные и другие. Эти чувства возбуждаются в нашем "я" извне, внешними предметами. Нравственное же чувство имеет особое свойство Оно коренится в нашем духе и исходит из глубины нашего духа, независимо от нашей воли, и звучит как "голос", обличающий или одобряющий наши поступки, чувства и мысли.

Ad. 2.

Порочное греховное состояние бывает весьма разнообразным. Наиболее часто встречаются: состояние нравственного поведения, нравственного нерадения и беспечности, нравственного самообольщения, нравственного лицемерия, нравственного рабства, нравственного отчаяния и нравственного ожесточения.

- Состояние нравственного неведения

Оно характеризуется тем, что человек, увлекаясь материальными интересами или корыстными расчетами, теряет всякий интерес к нравственным вопросам, и о своей греховности или совсем не имеет представления, или имеет представление смутное и неопределенное. Таково было состояние людей во время язычества, когда, по словам ап. Павла, люди "поступали по суетности ума своего, отчуждены были от жизни Божией, не знали Христа, не имели надежды обетования и были безбожниками в мире" (Еф. 4, 14-18). В таком состоянии нравственность обыкновенно заменяется приличием, добродетель -- внешней благовидностью, долг -- юридической законностью поступков, без оживляющего их духа доброй нравственности. Опасность этого состояния понятна: без всякого сознания своего нравственного положения человек не может сделать ни одного шага к своему исправлению.

- Состояние нравственного нерадения и беспечности

Оно характеризуется тем, что человек в этом состоянии живет без всякой заботы или тревоги о своем нравственном состоянии, совершенно не углубляясь в себя и не

пытаясь узнать, как повелевает ему жить закон Божий и согласны ли его дела с этим законом. В таком состоянии люди находились перед потопом, когда они "ели, пили, женились и выходили замуж, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех" (Мф. 24, 37-39). В таком состоянии люди будут находиться, по словам Спасителя, перед вторым Его пришествием: они будут жить в полной безопасности, в заботах только о материальных благах, пока не застигнет их страшный переворот. Безопасность их будет основываться на невнимании к свидетельству истины, к учению Христа и Апостолов, на легкомысленном отношении к свидетельствам их о сверхчувственном мире, будущем суде и воздаянии.

- Состояние нравственного самообольщения

Это состояние характеризуется тем, что человек, замечая в себе некоторые, иногда даже мнимые достоинства, не видит уже за ними никаких недостатков в своем нравственном поведении, с самодовольством засматривается на себя и ставит себя выше других людей (ср. Лк. 18, 11). Такой человек отвергает для себя необходимость какого-либо нравственного исправления. Образцами самообольщенных людей являются евангельские фарисеи, любившие при всяком случае выставлять свои добродетели на вид, а недостатки скрывать от себя и от других. Они с удовольствием выслушивали похвалы о себе от других и с самодовольством порицали недостатки других. Не далёк был от них и евангельский юноша, воображавший, что он сохранил все заповеди закона от юности своей. О самообольщающихся достаточно сказать словами ап. Иоанна: "Если говорим, что не имеем греха, обманываем самих себя, и истины нет в нас" (1 Ин. 1, 8).

- Нравственное лицемерие

Это порочное состояние характеризуется тем, что человек на этой ступени, являясь по сердцу рабом греха, старается казаться благочестивым, принимает на себя личину честности и нравственности, порядочности, чтобы таким путем снискать себе уважение от других, или по крайней мере, успешнее скрыть свои порочные склонности. Евангельские фарисеи-лицемеры надевали на себя маску благочестия, чтобы показаться перед людьми благочестивыми. На практике лицемерие может встречаться в самых разнообразных сферах жизни, когда люди обманывают друг друга, злоупотребляя языком в целях взаимной тщеславной лести или выгоды. Там, где слышатся пустые, бездушные фразы, там уже есть лицемерие.

- Состояние нравственного рабства

Оно характеризуется тем, что в человеке до того ослабевает сила воли и он настолько подчиняется какой-либо греховной привычке или страсти, что не в силах бывает бороться против нее, считает исправление для себя невозможным; эта привычка или страсть обращается для него как бы в другую природу. Такой человек, ощущая в себе присутствие "греховного закона" и сознавая, что он "предан греху" (Рим. 7, 14, 23), мало-помалу действительно становится рабом греха. В таком состоянии человек знает закон и уважает его, ненавидит грех и не хочет делать его, но греховная привычка влечет его ко греху против его воли. Он сам себя осуждает, досадует, кается, плачет, но в то же время продолжает творить грех. Состояние рабства, соответственно тройственной похоти, выражается в трех видах: плотоугодия, любостыжания и гордости. Оно столь тяжкий нравственный недуг, что в Священном Писании приравнивается к идолопоклонству, потому что доводит человека до практического безбожия (Филип. 5, 19; Ефес. 5, 5).

- Состояние нравственного отчаяния

Оно характеризуется тем, что человек, пробудившийся от своей греховной дремоты и представляя всю глубину своего падения, с одной стороны, и всю строгость правосудия Божия, с другой стороны, теряет всякую надежду на свое спасение, не надеясь не только на себя самого как нравственно-свободное существо, но и на Бога, будучи проникнут мыслью, что его нечестие превышает милосердие Божие. Это есть состояние полной нравственной беспомощности, в котором для человека исчезают все возможности, закрываются все пути и двери. Пример такого состояния можно видеть в Иуде Искаротском.

- Состояние нравственного ожесточения

Это самый опасный из нравственных недугов. Если в состоянии нравственного рабства и даже нравственного отчаяния у человека есть еще хотение делать добро, но не хватает сил к этому, то в состоянии нравственного ожесточения человек, зная добро и сознавая в себе даже некоторую силу для его совершения, обнаруживает полную невосприимчивость в нему, так, что, смотря очами, он не видит, слушая ушами, -- не слышит, и не понимает сердцем (Ис. 6, 9-10). Это есть состояние нравственного отчаяния, нравственной мертвенности, совершенного прекращения функций совести, следовательно, состояние морального трупа. Но это только еще одна сторона ожесточения - пассивная. Активная же сторона этого состояния -- в полной ненависти к добру, упорной, чисто сатанинской, направленной единственно на разрушение и уничтожение добра. Вопреки своей совести, предпочитая зло добру и находя постоянное удовольствие только в нем одной, такие люди упорно хотят и творят только злое, чтобы распространить и утвердить царство и господство зла. Хоть здесь ясно сознается реальность (действительность) добра, но так как человек не хочет добра, вступает в отрицательное отношение к нему, то он поэтому ненавидит его.

Состояние нравственного ожесточения есть результат долгого и упорного коснения во грехе. Так как в таком состоянии человек намеренно отвергает самую благодать Божию, без которой ни один нравственный недуг не уврачуется, то ясно, что из этого состояния едва ли возможно освободиться тому, кто имел несчастье глубоко предаться ему. Пример такого состояния Св. Писание указывает в фараоне (Исх. 5, 2).

Ad. 3.

Только идеально-добрую свободу можно назвать истинной или нравственной свободой. Эта свобода есть задача нашей жизни. Отличительная черта этой свободы состоит в неуклонном стремлении человека к добру. Ясное сознание нравственной свободы возможно только при чистой нравственной жизни. Если бы человек достиг того состояния, когда для него уже невозможно делать выбор между добром и злом, и он направлял бы себя единственно к добру, то он был бы вполне свободен. О такой именно свободе говорит Иисус Христос: "Если пребудете в свете Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина (которою должна руководиться воля человека) сделает вас свободными" (Ин. 8, 31-32). Только во Христе Иисусе и чрез Христа человек становится истинно свободным, получая чрез духовное возрождение все необходимые силы. "Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете", - говорит Иисус Христос (Ин. 8, 38). Так же учит апостол Павел: "Закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти" (Римл. 8, 2). Наоборот, творящий грех, по учению Св. Писания; есть несвободный человек, а раб: "всякий делающий грех, есть раб греха", -- говорит Христос (Ин. 8, 34). И Господь пришел на землю для того, чтобы освободить людей (от власти греха) и сделать их свободными чадами Божиими. В послании к Римлянам апостол воссылает благодарение Богу за то, что римские христиане, "бывши прежде рабами греха, (обратившись) стали послушны тому образу учения, которому предали себя" (Римл. 6, 17).

Чем меньше человек грешит и чем больше он определяет себя к добру, тем более он становится свободным. Только во всецелом подчинении добру сохраняется истинно-нравственная свобода и достигается ее сущность.

Но почему же, спрашивается, осуществление человеком своего назначения или, что то же, стремление человека к добру и к Богоуподоблению, называется свободной, а следование его злу и греху -- рабством? -- На этот вопрос ответ должно дать такой: свобода, как мы знаем, есть сила самоопределения человека из своего существа, подчинение самому себе, а не стороннему чему; но по существу своей природы человек есть образ Божий и назначение его Богоуподобление. Следовательно, когда человек стремится к добру и Богу, то он определяет себя из своего истинного и первоначального существа, он живет, так сказать, в своей настоящей сфере, и свободен, истинно свободен. Напротив, когда он "творит грех", когда он уклоняется от Бога и предается злу, тогда он определяет себя не по своей истинной природе, но по чуждому ей началу, посторонней власти, так как грех или зло -- чуждо Богозданной природе человека. Зло заставляет человека насильно делать то, что он ненавидит и не делать того, что он хочет: "не еже бо хощу, доброе сие творю, но еще не хощу, злое сие содеваю", -- говорит Апостол о греховном человеке. Зло является в человеке какой-то внешней, независимой от него, роковой силой, лишаящей его свободы и подчиняющей законам физической необходимости. Нравственное же добро, напротив, дает человеку ощущение истинной свободы, свободы от греха. Добро, доставляя нам нравственное удовлетворение, отвечает сущности нашей природы и не является насильем для последней. Таким образом, только существование добра служит залогом и показателем нравственной свободы.

Воспитание такой нравственной свободы образование нравственного характера; сообщение воле и жизни нравственно-доброе направления - и есть задача земного подвига человека-христианина. Эта задача требует от человека постоянных усилий и неустанной борьбы с греховными влечениями. В этой борьбе христианин постепенно восходит от силы в силу и достигает такой крепости и нравственного совершенства, которая в начале казались ему недостижимыми. Апостол Павел сравнивает христианина с бегущими на ристалищах атлетами. Как эти последние задавались целью получить земной венец и все усилия употребляют для того, чтобы не уклониться на пути к цели и поскорее достигнуть ее, так должен поступать и христианин, задавшийся целью получить венец небесный. Здесь важно, чтобы человек не успокаивался на достигнутом, не ослаблял своих усилий, подобно великому апостолу языков, который говорил о себе: "Я не почитаю себя достигшим, а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе (Филип. 3, 13-14). Конечно, усилия человека могут быть действительны только при условии благодатной помощи Божией.

Zestaw VI

4. Что же такое нравственный закон?
5. Скажите о добродетели как состоянии или настроении христиански действующего духа.
6. Особенности и смысл Евангельских заповедей блаженства.

Ad. 1.

Нравственный закон является кроме свободы и самосознания, третьим условием нравственной деятельности.

Когда нравственное чувство осознано и многократно проявляется в нас, по поводу наших намерений и действий, то оно оставляет в нас глубокий след. Наше сознание и мышление тогда уже постоянно обращаются на движения нравственного чувства... Таким путем в нас образуются нравственные понятия, или правила свободных нравственных действий, что и

носит название нравственного закона. Нравственный закон -- это основанное на нравственном чувстве сознание того, что должно и чего не должно делать.

Закон вообще есть правило или совокупность правил, определяющих действие какой-либо силы. Например, механический закон тяжести определяет действие силы тяжести.

Нравственный закон определяет способ действия нашей нравственной силы, т.е. свободы воли. Значит, нравственный закон указывает, как человек должен жить, что он должен делать, чтобы достигнуть своего назначения или своей нравственной цели.

Ad. 2.

Под именем христианской добродетели мы разумеется СВОБОДНОЕ, СОЗНАТЕЛЬНОЕ, ИСКРЕННЕЕ И ПОСТОЯННОЕ ИСПОЛНЕНИЕ НРАВСТВЕННОГО ЗАКОНА, или СВОБОДНОЕ СОЗНАТЕЛЬНОЕ, ИСКРЕННЕЕ И ДЕЯТЕЛЬНОЕ СТРЕМЛЕНИЕ ХРИСТИАНИНА СВОИ МЫСЛИ, ЖЕЛАНИЯ И ДЕЙСТВИЯ.

Добродетель сама по себе одна и нераздельна. Как одна только воля Божия, один нравственный закон, дух и существо которого заключается в великой заповеди о любви и самоотвержении, так и одно должно быть стремление и чувство к добру, одно желание -- всегда и везде действовать по закону любви.

Добродетель есть выявление христианского устройства и христианского действия всего человека, его души и духа. Поэтому добродетель есть

- всеобъемлющее стремление нашего духа к добру или настроение христианина действующего духа,
- одновременно она есть доброе расположение или навык (в душе и теле) к добру и, наконец,
- каждое отдельное доброе дело (как следствие первых двух).

Высшее наше благо или добро заключается в Боге. Следовательно стремление к добру есть тоже самое, что стремление пребывать в Боге или жажда Богообщения. Это стремление выявляется в деятельном исполнении святой воли Божией с помощью благодати Божией. Следовательно, истинно-христианская добродетель или христиански добродетельное состояние духа есть горячее желание (жажда) и благодатная сила пребывать в общении с Богом чрез Господа Иисуса Христа, чрез ревностное, постоянное и полное исполнение Его воли, с помощью благодати и с верою в Господа, по силе и обету крещения (еп. Феофан. *Начертание христианского нравоучения. Изд. 2-е. М., 1896, стр. 116*).

Одним из важных свойств нравственно-христианского настроения духа есть горячее желание жить богоугодной жизнью, стремление к Богообщению. "С усердием стремлюсь, -- говорит ап. Павел, -- к почести высшего звания", и всех христиан увещает: "всегда ищите добра; духа не угашайте, горнего ищите, горя духом" (Филипп. 3, 12, 14; 1 Фес. 5, 15, 19; Кол. 3, 1; Рим. 12, 11). Узнается это горение духа по хранящейся в сердце теплоте и сочувствию к деятельному Богоугождению.

Кроме жажды и ревностного желания нужна и сила. И вне христианства были примеры ревностного искания Бога (напр., Иустин Философ). Но сила дается только в христианстве. Ревность (жажда) есть свидетельство пробуждения нашего духа, а сила - свидетельство сочетания нашего духа с силой Божией.

Эта благодатная сила (благодать Божия) дается христианину к пребыванию в общении с Богом. Цель христианина - пребывание с Богом. Для этой цели он должен отречься от себя и всего лстящего самолюбию и предать себя воле Божией. Только та добродетель есть истинная, которая творится ради Бога, ведет к общению с Богом.

Эта цель Богообщения достигается чрез ревностное, усердное, постоянное, непрестанное, из сердца исходящее исполнение святой воли Божией. "Не всяк глаголай Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Божие, но творяй волю Отца Моего, Иже на небесех" (Мф. 7, 21; ср. Лук. 9, 62; Мф. 10, 22).

Совершается все это с помощью Божественной благодати. Благодать есть достояние человека христианина и вместе отличительное свойство его жизни. Как вначале христианином он стал силою Божественной благодати чрез крещение, так и после все свои дела совершает той же силою. Ибо, по апостолу, "Бог производит в нас и хотение и действие по Своему благоволению" (Филип. 2, 13).

Действия этой благодати, сопровождающей человека христианина в деятельности, состоят в многообразном просвещении истинами веры и пониманием святой воли Божией, просвещением очей сердца (Ефес. 1, 18) и воспламенением ревности, укреплением и утверждением воли к добру (1 Петр. 5, 10).

Преуспевание в добродетели совершается в Церкви Христовой и обуславливается пребыванием в Церкви, членом которой христианин стает чрез крещение по вере в Господа Иисуса Христа. Вне Церкви нет истинно добродетельной жизни, ибо к тем, кто вне ее, не приходит Божия сила, около них нет воспитательной благодатной атмосферы, которая доставляется только таинствами и всем чином церковных священнодействий.

Вот основные черты христиански-добродетельного состояния духа. Ими определяются и существенные свойства, состав и происхождение христианской добродетели. Они есть ни что иное, как порядок христиански-нравственной жизни.

Из всего сказанного, сокращенно добродетель как состояние или как настроение добродетельного духа можно определить как ревность и силу пребывать в порядке христиански-нравственной жизни, или просто -- ревность о христианской жизни.

Итак, добродетельным можно назвать только того, кто имеет ревность о христианской доброй жизни.

Эта ревность и есть дух спасения христианской жизни. "Я не почитаю себя достигшим (совершенства), - говорит апостол, -а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе" (Филип. 2, 13-14). Так была постоянна и неутомима ревность у апостола Павла. Столь же постоянной она должна быть у всякого христианина.

Но степени ее силы, напряженности и быстроты могут быть различны, по различию человеческих характеров и различию обстоятельств жизни. Ревность тем выше, напряженнее и тверже, чем человек охотнее совершает всякое представляющееся доброе дело и чем больше в своем действовании подымлет трудов и огорчений. Ревностный христианин спешит на угодное Богу, на исполнение всякой добродетели. И как добрый сын, едва выслушает слово отца стремится выполнить его, так и христианину следует действовать относительно познанной воли Божией и ради любви и своему Отцу Небесному быть готовым нести труд, сердечные уязвления, оскорбления и притеснения, пребывать в терпении и верности до конца. Поэтому "позаботься каждой христианин молить Господа, чтобы не попустил никогда угаснуть этому огню в сердце: ибо в нем жизнь" (еп. Феофан. Начертание христианского нравоучения, стр. 115-125).

Ad. 3.

В 9-ти заповедях блаженства Господь начертал образец жизни, свойственный Его последователям. Не отменяя того, что предписывалось Ветхим Заветом, Спаситель расширяет и возвышает смысл древних заповедей, внушая людям стремление к идеальному совершенству и начертывая путь к этому совершенству. Св. Иоанн Златоуст замечает, что в Нагорной беседе Иисус Христос дает заповеди выше древних, предлагает путь к некоторому божественному и небесному образу жизни (св. И. Златоуст. Бесед, на Матф. Творения, т. VII, стр. 171 и дал.).

Отличительные особенности евангельских изречений о блаженствах состоят в следующем:

- В изречениях о блаженстве Иисус Христос начертывает такой идеал нравственной жизни, предлагает такие нравственные правила, которыми упорядочивается преимущественно внутренняя жизнь человека, так что его внешняя жизнь и

деятельность является необходимым следствием внутреннего его настроения. Здесь недостаточно одного внешнего доброделания или внешнего исправного поведения, а требуется внутренняя перемена, внутреннее обновление, не ветхозаветная (внешняя) законническая праведность, а праведность евангельская, праведность духа и истины.

- Нравственные требования, излагаемые в изречениях о блаженстве, не суть что-либо чуждое, несвойственное человеку, напротив, они суть что-либо чуждое, несвойственное человеку, напротив, они суть требования самой нравственной природы человека, стремящегося к истинной нравственной деятельности, к бесконечному нравственному усовершенствованию. Исполняя эти требования, человек тем самым удовлетворяет внутренним потребностям нравственной природы своей души и доставляет ей истинное блаженство.
- Внешняя форма изречений не категорическая, а условная, предоставляющая человеку полную свободу. Господь не говорит: будьте нищими духом, кроткими и т.д., а говорит: блаженны, т.е. хорошо тому, кто будет кротким, милостивым и т.д. Однако, эта условная форма, соответствующая состоянию человека, уже вышедшего из детского возраста, освободившегося от рабского подзаконного состояния и получившего свободу, нисколько не умаляет силы обязательности для человека указанных нравственных требований, а еще больше возвышает их силу, чем большая предполагается в человеке свобода следовать необходимым для него нравственным предписаниям; так большему осуждению и большей виновности он подлежит, если не хочет принимать и исполнять этих требований. Как свободный, он и будет судим по закону свободы.
- Нравственные требования в изречениях о блаженстве излагаются в строгой постепенности: человек от легких подвигов возводится к более трудным; от низших -- к новым высшим, так что каждый последующий подвиг является естественным следствием и выражением предыдущего подвига. Таким образом, все изречения начертывают путь постепенного восхождения к высшему нравственному совершенству, представляют собою лестницу христианских добродетелей, по которой человек последовательно восходит к высшим ступеням совершенства.

Внутреннюю связь христианских добродетелей и заповедей хорошо изъясняет св. Иоанн Златоуст: "От первой заповеди, -- говорит св. Иоанн Златоуст, -- пролагая путь к последующий, Христос сплел нам золотую цепь. Ибо смиренный будет и оплакивать свои грехи; оплакивающий свои грехи делается кротким, тихим и милостивым; милостивый -- праведным и чистым и сокрушенным сердцем, а такой бывает миролюбивым; кто же достигает всего этого, тот будет готов к опасностям, не устрашится злоречия и бесчисленных бедствий" (св. И. Златоуст. Творения, VII, 171 и дал.). Более же подробно эта взаимосвязь евангельских заповедей блаженства и соответствующих им добродетелей может быть представлена в следующем виде.

Начальная добродетель, которая ублажается в евангельских изречениях, есть нищета духа. Нищета духа есть смиренное сознание отсутствия в себе нравственного добра -- добрых настроений и добрых дел; нищий духом сознает, что ничего доброго он не имеет, ничего хорошего он не сделал, нет у него ничего, на что он мог бы указать как на свое доброе приобретение. Мытарь, смиренно сознающий свое недостойнство, свою греховность, может быть образцом нищего духом. Сознание духовной нищеты естественно побуждает человека к нравственному обогащению, к нравственной деятельности, подобно тому, как сознание нищеты телесной (отсутствие пищи, питья, одежды) побуждает человека заботиться о питании телесном. Смиренное сознание духовной нищеты является необходимым условием нравственного совершенствования: тот, кто думает, что он богат духовно, не будет заботиться о

самоусовершенствовании (богатый юноша), подобно тому, как кто воображает, что он в сфере своей специальности узнал все, не будет стремиться к расширению своих знаний.

Сознание недостаточности добрых дел возбуждает в человеке горькое чувство недовольства собой, сожаление о себе, которое, достигнув высшей степени интенсивности, может обратиться в плач о своем состоянии: это плач, который по апостолу "покаяние нераскаянное соделоваает" (2 Кор. 7, 16), т.е. который приводит к бесповоротному раскаянию, бесповоротному осуждению своих грехов, к окончательному решению исправить свою жизнь, дать ей совершенно другое направление. Спаситель обещает им утешение, разумеется духовное, доставляемое таинством покаяния.

Необходимым следствием сознания своих собственных недостатков и сердечного сокрушения о них, является в человеке понимание возможности этих недостатков и в других, и снисходительность к ним. Отсюда, кротость есть естественное следствие двух первых добродетелей человека. Кротость есть тихое расположение духа, когда человек ко всему относится спокойно, ничем не раздражается, не возмущается, не гневается, не платит злом за зло, обидою за обиду, терпеливо переносит всякие обиды и неисправности, охотно прощает их людям и снисходительно относится к недостаткам других, любовно исправляя их (см. Мф. 5, 39-45). Высочайший пример кротости мы имеем в лице Иисуса Христа, сказавшего о Себе: "научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем" (Мф. 11, 29), а также в лице апостолов, о которых апостол Павел говорит: "злословят нас, мы благословляем, гонят нас, мы терпим, хулят нас, мы молим" (1 Кор. 4, 12-13).

Обычным спутником нищеты, телесной является голод и жажда и желание насытиться... Так и нищета духовная вызывает желание и стремление насытиться пищей духовной, удовлетворить запросы своей души, которые в конце концов сводятся к желанию помилования, оправдания, праведности, посредством благодати и веры в Иисуса Христа. Так жаждал своего оправдания пред Богом, например, царь и пророк Давид, восклицавший: "как лань жаждет к потокам воды, так жаждет душа моя к Тебе, Боже. Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому" (Пс. 41, 2). Так, св. ап. Павел, не довольствуясь своею жизнью по требованиям ветхозаветного закона, алкал и жаждал правды Божией, оправдания о Христе. Алчущий и жаждущий хорошо понимает это состояние и в других людях, когда сострадает им и охотно готов облегчить им их состояние и помочь им. Отсюда -- милосердие к другим является ближайшим делом такого человека. Так, добродетель милосердия становится во внутреннюю связь с другими добродетелями. О проявлениях этой добродетели можно сказать словами св. Иоанна Златоуста: "Различен милования образ и широка заповедь сия", т.е. дела милости весьма разнообразны и каждому доступны.

Чистота сердца -- свобода сердца от злых мыслей, чувствований, пожеланий и намерений приобретает в результате длительной работы человека над самим собою. Поэтому эта добродетель становится после целого ряда других добродетелей. Чистые сердцем, говорит св. Иоанн Златоуст, -- это те, "которые приобрели всецелую добродетель", т.е. постоянное доброе расположение сердца, лежащее в основе всех их добрых дел, которые не сознают за собой никакого лукавства и которые в целомудрии проводят жизнь. Чистоты сердца человек достигает только постоянным и неослабным подвигом бдения над самим собою, отвергая от сердца своего всякое нечистое, незаконное желание и помышление, всякое пристрастие к земным предметам. Высочайший пример совершенной чистоты сердца мы имеем во Христе, Который греха "не сотвори" и "не обретеса лесь во устах Его", а также в Божией Матери, честнейшей херувим и славнейшей без сравнения серафим.

Чистота собственного сердца побуждает человека искать такой же чистоты в сердечных отношениях и других людей. Поэтому, когда нарушаются между людьми искренние и сердечные отношения и поселяется вражда, чистый сердцем старается восстановить прежние миролюбивые отношения между ними и удалить вражду. Таким образом, умиротворение других является естественным следствием приобретения чистоты сердца. Поэтому миротворец как сам старается со всеми жить в мире, и не подавать поводов к несогласию, так и других старается умиротворять. Высочайшим примером для всех миротворцев служит Сам Господь

Иисус Христос, пришедший для того, чтобы примирить человека с Богом, устранив греховную вражду, преграды, "средостение" греха в человеке.

Так как главной причиной немиротлюбивых отношений между людьми бывает обычно нарушение правды, то истинный миротворец заботится о том, чтобы укрепить эти отношения на началах правды. А для этого нужно иметь искреннюю любовь к правде, мужественно и стойко проводить ее в жизнь, до готовности потерпеть за правду разные бедствия и преследования. Примеры гонимых за правду: ветхозаветные пророки, св. Иоанн Предтеча и многие святые.

Дело умиротворения других на началах правды может быть прочным только тогда, когда оно основывается на вечной правде -- Иисусе Христе. Поэтому, желающие устроить жизнь других во Христе -- Вечной Правде, должны сами проникнуться этой правдой, т.е. вся жизнь их должна быть проникнута христианскими началами и так тесно слиться с этой правдой, что бы быть готовыми потерпеть за нее все поношения, гонения и даже смерть, т.е. принять подвиг христианина, за который ему обещается и высшая награда на небесах.

Таким образом, в изречениях о блаженствах христианину начертан путь постепенного восхождения по лестнице христианских добродетелей.

Zestaw VII

4. Какая связь существует между верой (религией) и нравственностью?
5. Расскажите о добродетели, как добром расположении добрых навыков в души человека.
6. Понятие и деление христианских обязанностей.

Ad. 1.

Из понятия о христианской нравственности со всей очевидностью следует, что нравственность: в основе своей имеет веру в Бога или религию и находится в самом тесном союзе с ней. Поэтому Апостол говорит: "без веры невозможно угодить Богу", и "всякому приходящему к Богу подобает, прежде всего, веровать" (Евр. 11, 6).

Вера или религия служит основанием для нравственности. Только тогда у человека будет твердая уверенность в неизыблемости (нерушимости) и значении нравственного закона и необходимости его исполнения, если в основе этого закона будет вера в всеятого и всеблагого Бога, слова (закон) Которого пребывает во веки и есть истинно и свято (Пс. 118, 89; 1 Петр. 1, 25; Ин. 17, 17; Петр. 1, 15). Если у человека нет веры в Бога, то что может побудить его к исполнению нравственного закона, даже с признанием этого закона? Тогда человек очень легко может прийти к выводу, что он сам себе - для себя закон, и сам может жить как велит ему его развращенное себялюбивое сердце. Как здание без основания не может быть прочно и надежно, так и нравственная жизнь, не опирающаяся на веру в Бога, не будет иметь для себя надлежащих оснований.

Без веры в Бога, слово Которого свято и истинно, не может быть должных побуждений и твердой надежды на достижение цели нравственной жизни. Религия и вера в Бога поддерживает человека в нравственной жизни, дает ему силу в достижении нравственной цели. В нравственной жизни мы встречаем много препятствий и испытываем в себе недостаточность сил. Так например, наша телесная природа, подверженная болезням, страданиям, слабостям, часто является препятствием к достижению нравственного совершенства (примеры: молитва; бодрствование, сон и др.). Еще больше препятствий встречаем мы в духе человеческом, в его воле. Здесь, по слову Апостола, мы ощущаем "ин (другой) закон, противовоюющий закону ума (духа) нашего и пленяющий нас законом греховным", так что мы "еже хотим доброе сие не творим, а еже не хотим (злое), сие содеваем" (Ср. Рим. 7, 15, 19, 23). В этой борьбе нас поддерживает только вера в Бога, благого и премудрого, Его всеблагий Промысл, вера в Спасителя нашего Господа Иисуса Христа,

совершившего и совершающего силою Святого Духа возрождение, обновление, спасение человека. Только при вере в эту всемогущую, благодатную помощь возможны мужество и энергия в стремлении к нравственному совершенствованию, готовность человека ради этого к перенесению всякого рода скорбей, и трудов, и страданий.

Связь между религией и нравственностью настолько тесная, что чистота веры непременно отражается на чистоте (качестве) и высоте нравственности. Это понятно. Не имея правильного понятия о Боге, нельзя иметь и правильного понятия о нравственности. Еще при первом грехопадении в раю первый человек поставил свое "я", любовь к себе -- выше любви Божией. Находясь в грехе, человек делает себя средоточным пунктом своей жизни и, поэтому, нравственность его извращается себялюбием, эгоизмом или ложной любовью к самому себе. Нравственность его тогда весьма далека от своего идеала, состоящего в самоотверженной деятельности по мотивам искренней любви. С ложной же любовью к себе неизбежно связана и ложная привязанность к миру и рабство миру. Только в христианской религии нравственность может достигнуть высочайшей чистоты. Это потому, что в христианстве мы имеем возвышенное учение о Боге, Который есть высочайшая любовь и общение с Которым есть самый высший и достойнейший предмет человеческих желаний и стремлений. Только здесь, в истинной религии христианства, человек призывается отрешиться от эгоизма, а также от ложной привязанности к миру и униженного ему служения. Только в христианстве мы имеем учение о Боге как Едином Небесном Отце всех, и потому именно здесь развивается познание, что все люди -- братья и сестры.

Таким образом, вера в Бога или религия составляет основание нравственности. Религию можно уподобить корню растения, а нравственность -- стволу и ветвям.

Но отсюда следует также, что и религия не может остаться живой и действенной, если она отрешится от нравственности: тогда она вырождается в ложную мистику. Поэтому апостол Иаков говорит: "вера без дел мертва есть" (Иак. 2, 26). Апостол Павел также приписывает полное значение вере, поспешествуемой любовью и свидетельствуемой соблюдением заповедей Божиих. Поэтому истинная вера имеет нравственный характер, и нравственность имеет религиозный характер. Ту же самую истину о тесной связи веры и нравственности выражали и отцы Церкви. Св. Игнатий Богоносец говорит: "Вера есть путеводитель, а любовь - путь к Богу"

Ad. 2.

Важным свойством добродетели, или доброй христианской нравственной жизни являются добрые расположения или добрые навыки души человека.

Добрые расположения лежат в основании добрых дел. Например, смирение называется добродетелью, но оно не есть какое-нибудь одно определенное дело, а есть пребывающее в сердце расположение, проявляющееся во всех смиренных делах. Равным образом терпение кротость, бескорыстие называются и есть добродетели, а между тем они не только определенные дела, а и нечто сокровенное в соответственных им делах лежащее в основании этих дела, ничто постоянно пребывающее в сердце, внедренное в него, а именно -- непрестанная любовь к этим добрым делам.

Эти добрые расположения (вели сердца) и есть собственно добродетели.

Не тот безгневен, кто не бранит своего обидчика, но тот, кто и в сердце имеет к нему незлобие. Не тот имеет уважение и послушание, кто внешнею только это проявляет, -- но тот, кто питает эти добродетели в сердце и имеет их в чувстве и т.п.

"Сердце есть начало и корень наших деяний, - говорит святитель Тихон Задонский. Чего на сердце нет, того и в самой вещи нет. Вера не есть вера, любовь не есть любовь, когда в сердце не имеется, но лицемерие; смирение не есть смирение, но притворство, когда не в сердце; дружба не дружба, когда вне только является, а в сердце не имеет места. Отсюда Бог требует от нас нашего сердца: "даждь Ми, сыне, сердце твое" (Притч. 23, 26) (свт. Тихон Задонский. Творения, т. II, изд. 5. М., 1889. Об истинном христианстве, § 33, стр. 110).

"Добрый человек из доброго сокровища своего сердца выносит доброе, а злой человек из злого сокровища своего сердца выносит злое; ибо от избытка сердца говорят уста его" (Лк. 6, 45). Почему и апостол заповедует: "облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение" (Кол. 3, 12), "будьте все единомысленны, сострадательны, братолюбивы, милосердны, дружелюбны, смиренномудры" (1 Петр. 3, 8). "Облекитесь" говорит апостол, т.е. напечатлейте в своей душе эти расположения. Следовательно, на это и должны христиане устремлять все внимание, а именно не ограничиваться одними внешними делами, но воспитывать любовь к самым добродетелям - кротости, смирению, терпению и проч.

В каком же соотношении находится понятие добродетели как доброго расположения души, к пониманию ее как ревности о доброй христианской жизни?

Вначале, когда человек обратится к Богу и начинает ревновать о христианской жизни, в его сердце еще не бывает во всей силе добрых расположений, не бывает ни кротости, ни терпения, ни смирения, ни воздержания, разве только по естественному настроению. Ревность о доброй христианской жизни является в это время только семенем, зародышем их. В дальнейшем благодаря ревности, человек с молитвою понуждает себя на всякое доброе дело, все больше и больше приучает к нему свою душу и, наконец, с помощью благодати Божией, сердцем своим всеискренне, всеусердно возлюбяет добро.

Добрые расположения становятся внедренными в дух человека, как бы природными ему.

Так, например, у кого нет терпения, кротости или смирения, тот путем упражнения, напрягаясь к нему, вначале с трудом и болезненностью, наконец приобретает их. Также и другие добродетели приобретаются.

Так как добродетель едина, то и все добрые расположения находятся во взаимной связи, взаимном союзе, как кольца одной цепи. Как в цепи, если взять одно кольцо, то можно вытянуть всю цепь, так и между добрыми расположениями или добродетелями -- такое соотношение, что одна влечет за собой. естественно и другие. Преп. Макарий Великий говорит: "Все добродетели связаны между собой как звенья в духовной цепи, одна от другой зависят: молитва (зависит) от любви, любовь от радости, радость от кротости, кротость от смирения, смирение от служения, служение от надежды, надежда от веры, вера от послушания, послушание от простоты" (преп. Макарий Египетский. *Духовные беседы, послания и слова. Пер. с греческого. Изд. 4-е. Тр. Серг. Лавра, 1904. Беседа 40, § I, стр. 168*).

Апостол Петр заповедует христианам: "Прилагая все старание (т.е. искреннюю ревность), покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь" (2 Петр. 1, 5-7).

В святоотеческих писаниях можно найти указания и на другое расположение и взаимосвязь добродетелей (у преп. Исаака Сирина, Иоанна Лествичника, Феодора Эдесского и др.).

Христианину надо, главным образом, хранить дух ревности о богоугодной жизни и принуждать себя на добро, а благодать Божия сама все устроит: по мере очищения сердца от страстей, начнут мало-помалу внедряться противоположные им добрые расположения в своем порядке и взаимосвязи. От человека требуется произволение, ревность, самоотверженный труд, благодать же Божия очищает, обновляет наше сердца, вытесняет грех, овладевает силами души, насаждает доброй (там же. *Цитир. соч., стр. 173, 272-273; 440-441*).

Ad. 3.

Нравственный закон сам по себе мыслится как нечто общее, объективное, не связанное непременно с известным действием или отдельным поступком. Но когда это действие или поступок предлежит исполнить, тогда сознание требования нравственного закона применительно к данному поступку получает для человека значение обязанности.

Христианский закон -- один для всех. Но каждый христианин сознает и осуществляет его в виде бесконечно разнообразных обязанностей. Например, когда надо проявить христианский закон любви, помочь, например, в нужде ближнему, то в данный момент, когда это нужно сделать (и этим самым приложить к делу заповедь любви) -- это будет наша обязанность.

По внутреннему своему содержанию и значению христианские обязанности делятся на главные и подчиненные. Исполнение первых необходимо требует исполнения вторых. Например, одна из главных обязанностей - очищать сердце от страстей -- требует и известных подвигов; иначе нельзя выполнить первой (главной) обязанности.

Существует также деление обязанностей -- на обязанности справедливости и любви. Справедливость состоит в таких отношениях между людьми, когда один не должен нарушать свободы и прав другого. Это - отношения правового порядка. Кто их исполняет -- тот прав, кто нарушает, тот не прав. Нарушителя законных прав можно привлечь к судебной ответственности и требовать удовлетворения. Требования или обязанности справедливости ограждаются обычно гражданскими законами и составляют ограду добродетельной жизни. Кто нарушает закон справедливости, тот выступает из области добродетели.

Но христианину для полноты добродетели надо исполнение обязанностей справедливости или правды восполнять делами любви к людям. Любовь не ограничивается только делами справедливости, но охотно и добровольно (по внутреннему доброжелательству) делает добро ближнему. К исполнению справедливости можно заставить человека: например, того, кто занял у другого деньги и не хочет отдать по расписке, можно заставить отдать по суду, но кто не помогает нуждающемуся, того заставить к тому нельзя. Истинный христианин охотно благоволит другим, хотя с этим не соединено внешнее принуждение; он творит добро не из-за боязни принуждения или наказания, а по искренней любви и страхе Божию.

Обязанности бывают различной важности. Весьма нужно знать значение и соотношение разных обязанностей. Впрочем, говоря о разных степенях важности обязанностей, не следует думать, что этим дается свобода одни исполнять, а другие не исполнять. Всякая обязанность, вытекающая из нравственного закона, священна и должна быть исполняема со всем усердием, готовностью и самоотвержением. Деление же такое обязанностей делается с тем, чтобы наставлять всякого христианина быть мудрым делателем в Царстве Христовом.

У христианина выше всех стоят обязанности, обуславливающие созидание вечного спасения. Ибо, что может быть выше спасения души и дороже души? За этими обязанностями следуют нравственные обязанности совести, церковные, семейные, гражданские и другие. У многих христиан обязанности, например, семейные и родственные, являются основными и стоят на первом месте, существенное же в христианстве -- спасение души, созидаемое в Церкви Христовой со всеми ее таинствами и установлениями, и дела любви -- на втором плане, с чем только допускается время от времени вспоминать.

Вместе с этим неправильным жизненным действом имеет место и другое: когда предпочитают обязанности справедливости (правды) обязанностям любви и доброжелательства. У всех почти первые считаются выше последних, вследствие чего из жизни как бы насильно изгоняется истинный ее дух, дух любви. "Законы правды, справедливости составляют сами по себе только внешнее ограждение нравственного царства: кто по ним поступает, может и не быть внутри этого царства" (*еп. Феофан. Начертание христианского нравоучения. Изд. 2-е. М., 1896, стр. 98*). Внешней юридической законностью поступков еще не отрицается худое (порочное) сердце. "Юридический праведник" может быть в сердце (по намерениям и склонностям) - нравственным беззаконником (*там же, стр. 98*).

Истинная нравственная жизнь -- в исполнении обязанностей любви: тут корень жизни! С этим духом любви должны исполняться и обязанности справедливости (правды). И можно сказать, что только тогда, когда они бывают пропитаны духом любви и доброжелательства, они входят в область нравственности.

У христианина должно быть основным правилом: как можно ревностней быть в исполнении обязанностей любви и доброжелательства, и с этим же настроением исполнять и

обязанности правды или справедливости, забывая о своих правах и предпочитая права ближнего.